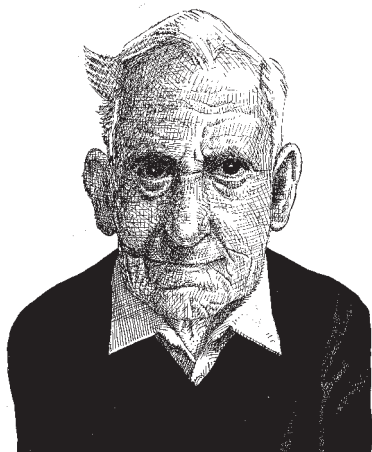

ЗАПИСКИ
ХЕНДРИКА ГРУНА
ИЗ АМСТЕРДАМСКОЙ
БОГАДЕЛЬНИ

Pogingen iets van het leven te maken

Het geheime dagboek van

Hendrik Groen,

83 $\frac{1}{4}$ jaar

ЗАПИСКИ
ХЕНДРИКА ГРУНА
ИЗ АМСТЕРДАМСКОЙ
БОГАДЕЛЬНИ

Перевод с нидерландского

Эллы Венгеровой

издательство аст

Москва

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44
Г90

Художественное оформление и макет АНДРЕЯ БОНДАРЕНКО

Published by special arrangement with Meulenhoff Boekerij bv
in conjunction with their duly appointed agent 2 Seas Literary Agency
and co-agent Anastasia Lester Literary Agency

Грун, Хендрик

Г90 Записки Хендрика Груна из амстердамской богадельни / ХЕНДРИК ГРУН; пер.
с нидерл. Э. ВЕНГЕРОВОЙ — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2019. —
384 с.

ISBN 978-5-17-112409-0

Несколько жизнерадостных и остроумных жильцов амстердамского дома престарелых организуют клуб СНОНЕМ (“Старые, но не мертвые”), совершают совместные “самоволки” — увеселительные поездки, борются с самоуправством директрисы и всеобщей скукой, поддерживают друг друга, дружат и влюбляются. Автор дневника Хендрик Грун также рассказывает о своем прошлом и размышляет о разных аспектах жизни и смерти. Обаятельный старичок обладает феноменальной наблюдательностью, терпимостью, душевной мягкостью и несравненным чувством юмора. Чтение этой книги возвращает нас к забытому ощущению глубины существования, к вере в величие и стойкость человеческого духа.

УДК 821.112.5-31
ББК 84(4Нид)-44

ISBN 978-5-17-112409-0

- © Hendrik Groen en J.M. Meulenhoff bv, Amsterdam
- © Viktor Meijer, иллюстрация на обложке
- © Э. Венгерова, перевод на русский язык, 2019
- © А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2019
- © ООО “Издательство АСТ”, 2019
- Издательство CORPUS ®

ОГЛАВЛЕНИЕ

Январь	7
Февраль	46
Март	84
Апрель	115
Май	148
Июнь	181
Июль	211
Август	239
Сентябрь	265
Октябрь	294
Ноябрь	321
Декабрь	350

ЯНВАРЬ

ВТОРНИК 1 ЯНВАРЯ 2013 Г.

Не люблю я стариков, хоть бы и в новом году. Шаркающая походка, ходунки, неуместное нетерпение, вечные жалобы, булочки к чаю, охи, ахи, стоны.

Мне самому 83 года.

СРЕДА 2 ЯНВАРЯ

Просыпалась сахарная пудра. Чтобы протереть стол тряпкой, госпожа Смит сняла блюдо с яблочными блинчиками и поставила его на стул.

К завтраку притопала госпожа Воортхёйзен и всей своей огромной задницей плюхнулась на стул, даже не заметив блюда с блинчиками.

Только когда госпожа Смит стала искать блинчики, чтобы вернуть их на место, кому-то пришла в голову идея заглянуть под госпожу Воортхёйзен. Та встала, а три блинчика прилипли к ее цветастому платью.

— Они отлично вписались в узорчик, — сказал Эверт. Я чуть не задохнулся со смеху.

Отличное начало нового года. Им бы всем развеселиться, а они три четверти часа выясняли, кто виноват. На меня со всех сторон глядели косо, ведь я не скрыл, что нашел происшествие забавным. А я... я забормотал извинения. Нет чтобы расхохотаться еще громче, я забормотал извинения.

Я, Хендрикус Герардус Грун, всегда корректен, участлив, дружелюбен, учтив и готов прийти на помощь. Не потому, что я именно таков, а потому, что не могу иначе. Я редко говорю то, что хочу сказать. Всегда выбираю обходной путь наименьшего сопротивления. Мои родители весьма дальновидно назвали меня Хендриком, лучше и придумать нельзя. “Знаете Хендрика? Ну, того, кто всегда при встрече та-а-ак любезно снимает шляпу?” Вот это я и есть, настоящий пай-мальчик.

Хендрик, ты совсем раскис, сказал я себе. И принял решение: они еще услышат о настоящем Хендрике Груне. Я буду целый год пристально и неподцензурно наблюдать жизнь нашей богадельни в районе Амстердам-Север.

Если не доживу до конца года, значит, не судьба. В этом случае попрошу моего друга Эверта Дёйкера прочесть некоторые заметки на моих похоронах. Когда меня, неподвижного и обмытого, ввезут на катафалке в маленький зал крематория “Горизонт”, пусть воцарится неловкая тишина и хриплый голос Эверта огласит перед ошеломленной публикой несколько забавных пассажей из этого дневника.

Правда, меня заботит одна проблема: вдруг Эверт помрет раньше меня?

С его стороны это будет неучтиво. Прежде всего потому, что у меня болячек и опухолей больше, чем у него. Раз у тебя есть лучший друг, ты имеешь право на него рассчитывать. Нужно обсудить с ним это дело.

ЧЕТВЕРГ 3 ЯНВАРЯ

Эверт воспринял мою идею с энтузиазмом, но не пожелал гарантировать, что проживет дольше меня. К то-

му же у него возникли некоторые сомнения. Во-первых, он опасается, что после публичного чтения моего дневника ему, по всей вероятности, придется искать другое место жительства. Во-вторых, он боится за свою вставную челюсть. Последнее обстоятельство связано с нечаянным ударом Верметерена во время игры на бильярде. У него на правом глазу завелась катаракта, и с тех пор Эверт помогал ему прицеливаться. Как самый опытный игрок стоял у него за спиной, чтобы давать указания, водя носом на уровне кия. “Чуть-чуть влево, — руководил он, — и сместить немного пониже и...” Не успел Эверт закрыть рот, как Верметерен тупым концом своего кия угодил ему прямо в челюсть. В самую середину. Карамболь!

Челюсть Эверта нуждается в ремонте. Я с трудом его понимаю, потому что она все время соскальзывает. Чтобы выступить с декламацией на моих похоронах, ее необходимо починить. Но не тут-то было. Зубной техник ушел в запой. Двести тысяч евро в год, роскошная ассистентка, каждые четыре месяца тур на Гавайи — и все-таки переутомление. Как такое возможно? Наверное, ему осточертели фальшивые старые зубы, в которых остатки еды застревают иногда так долго, что в них, как говорится, черви заводятся.

Пончики, которые подают в гостинной, в этом году были куплены в магазине сниженных цен. Вчера вечером я из вежливости взял один и потратил на него двадцать минут. И мне еще пришлось сделать вид, будто у меня развязался шнурок, лезть под стол и засовывать объедок себе в носок. Полная ваза этого добра так и осталась на столе. Обычно все, что здесь подается бесплатно, сметается в момент.

Кофе накрывают в гостинной в 10.30. Если в 10.32 кофе все еще нет, собравшиеся обитатели дома начинают

демонстративно смотреть на часы. Как будто их ждут великие дела. За чаем, который сервируют в 15.15, история повторяется.

А самый животрепещущий вопрос дня: какая сегодня выпечка? Вчера, например, и позавчера и к кофе, и к чаю подавали черствые пончики. Ведь “мы”, разумеется, еду не выбрасываем. Лучше уж запихнем ее в рот.

ПЯТНИЦА 4 ЯНВАРЯ

Вчера я прогулялся до цветочного киоска и купил луковицы в горшке. Если проживу еще неделю, пока взойдут гиацинты, то еще раз увижу весеннюю красоту. В большинстве комнат этого дома до апреля стоят рождественские еловые ветки. И рядом с ними какой-нибудь дряхлый бессмертник и полудохлая примула. “Жалко выбрасывать”.

Если где-то природа и поднимает настроение, то во всяком случае не в гостиной (она же спальня) нидерландского старика. Тут состояние комнатного растения достоверно отражает ситуацию, в какой обретается его владелец — унылое ожидание смерти. От нечего делать или по забывчивости старики поливают бедное растение по три раза на день. Такого и самый стойкий бессмертник не выдержит.

Госпожа Виссер пригласила меня завтра в полдень на чашку чая. Мне бы отказаться, очень уж от нее воняет, но я сказал, что с удовольствием к ней загляну. А полдень близится. Господи, какой же я тюфяк. В решающий момент мне не пришла в голову хоть какая-то отговорка, так что меня с неизбежностью ожидают большое блюдо сплетен и черствый пирог.

Самый мягкий пирог она умеет очень быстро превратить в пыльный картон. Как ей это удастся, для меня загадка. Чтобы проглотить один кусок, мне нужно выпить три чашки чая. Завтра совершу подвиг — откажусь от второго куска. Начну новую жизнь. С нового листа. В начищенных до блеска ботинках. Этим я и занимался половину утра. С ботинками я справился довольно быстро. Больше всего времени ушло на то, чтобы удалить ваку с рукавов рубашки. Зато теперь они сверкают. Ботинки. А рукава я просто засучил. Их уже не отчистить. На это последует комментарий: “Где это вы всегда так пачкаете рукава, господин Грун?!” Здешняя жизнь состоит из *никогда* и *всегда*. Сегодня еда “никогда не подается вовремя и всегда слишком горячая”, а завтра “всегда подается слишком рано и никогда не подогревается”. Однажды я тактично напомнил людям об их прямо противоположных прежних высказываниях, но логика здесь не в чести. “Опять вы умничаете, господин Грун”.

СУББОТА 5 ЯНВАРЯ

Вчера снова за ужином был праздник: в меню значился индонезийский рис с овощами и курицей — нази-горенг. Большинство старых холостяков и старых дев предпочитает стандартные блюда, экзотические изыски у них не катят. Они отказались от них еще в 60-х годах. Тогда в Нидерландах входили в моду спагетти, но они не вписывались в обязательную программу: по понедельникам цикорий, по вторникам цветная капуста с кашей, по средам котлеты, в четверг сахарная фасоль, в пятницу рыба, в субботу суп с хлебом и в воскресенье ростбиф. Когда у наших едоков разыгрывался зверский аппетит, они съедали котлеты

во вторник и весь остаток недели пребывали в полном замешательстве.

Заграничные выкрутасы не про нас. Мы привыкли заранее, за неделю, выбирать из трех различных блюд, но на этот раз что-то не заладилось. Вчера по непонятной причине в меню значился только нази-горенг. Какая-то накладка с доставкой. Наш повар был явно ни при чем.

Так что мы поневоле выбрали нази. Те, кто сидел на строгой диете, получили хлеб. Поднялась волна возмущения. Госпожа Хоогстратен ван Дам (она настаивает, чтобы к ней обращались только так) ограничилась тем, что выковыряла оттуда кусочки яичницы; ван Гельдер нази принципиально *“не жрал”*, зато справился с целой миской маринованных овощей; толстяк Баккер громогласно потребовал подливки к своему рису. Мой друг Эверт (когда ему надоедает собственное кулинарное искусство, он ест с нами) предложил ничего не подозревающим сотрапезникам острую приправу: “Не желаете ли немного кетчупа к вашему рису?” Он и бровью не повел, когда доверчивая госпожа де Прейкер после этого закашлялась и уронила в маринад свою искусственную челюсть.

Ее увели, и немного погодя Эверт прошелся по кругу, примеряя всем подряд ее зубы, словно хрустальные башмачки Золушки. Он прикинулся невинной овечкой, когда заотделением вызвала его на ковер. Даже пригрозил обратиться в службу контроля за качеством товаров, потому что-де обнаружил искусственную челюсть в банке с маринованными овощами.

Перед обедом я успел заглянуть на чай к госпоже Виссер. Ее болтовня еще хуже, чем ее чай. Я ей сказал, что не ем выпечки, доктор не разрешил. А почему не разрешил? Потому что у меня высокий сахар.

От 20 до 25. Я нес несусветный вздор, потому что злился на самого себя, но она нашла нашу беседу весьма содержательной. И мне пришлось взять с собой три куса пирога на случай, если сахар придет в норму. Теперь они лежат в аквариуме на третьем этаже.

ВОСКРЕСЕНЬЕ 6 ЯНВАРЯ

Из меня все больше капает. На белых кальсонах желтые пятна очень заметны. Желтые кальсоны были бы куда лучше. Я немного стесняюсь дам из прачечной. Так что в настоящее время вручную оттираю самые злостные пятна. Провожу, так сказать, предварительную стирку. Если я не сдам белье в прачечную, то вызову подозрения.

“Вы когда-нибудь надеваете чистое белье, господин Грун?” — спросит меня толстая дама из хозяйственной службы.

“Нет, толстая дама из хозяйственной службы, эти кальсоны так прикипели к моей старой корме, что я, кажется, буду таскать их до конца жизни”, — с удовольствием отвечу я.

Трудный выдался день: все тело трещит по швам. Ничто не может остановить износ старого корабля. С каждым днем принимаешь на борт все меньше груза, но на самом деле разваливаешься. Постепенно. Вот уж и волосы перестали расти. Во всяком случае на голове, зато в носу и ушах — сколько угодно. Но забитые бляшками сосуды уже не чистятся. Ни одна шишка не исчезает, и нижний кран непрерывно протекает. Одностороннее движение по направлению к ящику, вот что это такое. Ты никогда не молодеешь — ни на день, ни на час, ни на минуту.

Сидишь и хнычешь, старая развалина? Но хныкать лучше внизу, в гостиной. Там это развлечение номер один. Не проходит и получаса, как начинаются разговоры про какую-нибудь болячку.

Похоже, я малость захандрил. Нет чтобы ценить старость, наслаждаться ею, но это чертовски редко удается. Пойду прогуляюсь. В конце концов сегодня воскресенье. А потом под добрую рюмку коньяку немного послушаю Моцарта. Может быть, загляну к Эверту, его дурацкие выходки оказывают на меня благотворное терапевтическое воздействие.

ПОНЕДЕЛЬНИК 7 ЯНВАРЯ

Оказывается, вчера началось расследование скоропостижной смерти рыб на третьем этаже. В воде еще плавали остатки пирога госпожи Виссер. С моей стороны было глупо бросать пирог в аквариум. Если до ее ушей дойдет, что рыбы скончались от передозировки размокшего пирога, следы преступления прямиком приведут ко мне. Я должен подготовить линию защиты, а именно заглянуть за советом к адвокату Дёйкеру. Эверт — эксперт по части лжи во спасение.

В нашем доме запрещается держать домашних животных, за исключением рыбок и птичек “размером не более 10 и 20 сантиметров, соответственно”. Так указано в правилах внутреннего распорядка, чтобы нам не вздумалось заводить акул и орланов.

Стариков безжалостно разлучали с их собаками и кошками. Какими бы тихими и спокойными, старыми и немощными ни были четвероногие, правила есть правила: в приют! в Дом Заката!

“Нет, мадам, нет. Мало ли что Раккер единственное в мире существо, к которому вы привязаны. Мы не можем ни с того ни с сего делать исключения”.

“Ваша кошка действительно целый день лежит на подоконнике, но если мы пустим сюда хоть одну кошку, завтра у нас разлягутся на подоконнике три датских дога. Или один лиловый крокодил”.

Госпожа Бринкман — здешний чемпион: она умудрилась семь недель прятать старую таксу в шкафчике под раковиной. Но ее все-таки обнаружили.

Вероятно, имел место донос. Только подумать, все пережили войну и выдали-таки директрисе престарелую собачку. А директриса, вместо того чтобы с позором упечь в тюрьму гада-доносчика, предпочла отправить в приют собачонку. Та промучилась еще два дня и скончалась. Где же были защитники животных?

Директриса сочла за благо скрыть эту мелкую подробность от ее хозяйки. Когда госпожа Бринкман через три дня выяснила, на каком трамвае можно доехать до собачьего приюта, ее собачка уже лежала в сырой земле. Госпожа Бринкман расспрашивала всех, нельзя ли после ее смерти перехоронить рядом с ней собачку. И слышала решительный ответ: “Это не по правилам”.

Завтра утром мне нужно к доктору.

ВТОРНИК 8 ЯНВАРЯ

На доске рядом с лифтом вывешено объявление, что в аквариуме на третьем этаже обнаружено большое количество пирога. Рыбы, наевшись пирога, передохли. Каждый, кто может пролить свет на это событие, пусть